

Уголовный закон как отражение общественной опасности неосторожных преступлений

Грибков Александр Васильевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин

Международный юридический институт

г. Тула, Россия

e-mail: aghaus@yandex.ru

SPIN-код: 1783-6650

Аннотация

В статье рассматриваются основные положения теории уголовного права, отражающие сущность общественной опасности, как признака преступления, понятие о котором дается в ч.1 ст. 14 УК РФ. С другой стороны, общественная опасность рассматривается как объективное свойство состава преступления в целом. Таким образом, общественная опасность является универсальным критерием отнесения деяний к числу преступных независимо от формы вины при их совершении. Вместе с тем, анализ законодательной практики установления уголовной ответственности за неосторожные преступления показывает, что в ней сложился противоречащей теории уголовного права подход. Анализу сложившейся в настоящее время законодательной практики и порожденных ею противоречий посвящается настоящая статья.

Ключевые слова: преступление, общественная опасность, состав преступления, элемент состава преступления, уголовная ответственность, законодательная конструкция, умысел, неосторожность, уголовный закон, законодатель.

Criminal law as a reflection of the public danger of reckless crimes

Gribkov Alexander Vasilyevich

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law

Disciplines International Law Institute

of Tula, Russia

e-mail: aghaus@yandex.ru

SPIN code: 1783-6650

Abstract

The article discusses the main provisions of the theory of criminal law, reflecting the essence of public danger as a sign of a crime, the concept of which is given in Part 1 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation. On the other hand, public danger is considered as an objective property of the corpus delicti as a whole. Thus, public danger is a universal criterion for classifying acts as criminal, regardless of the form of guilt in their commission. At the same time, an analysis of the legislative practice of establishing criminal liability for reckless crimes shows that it has developed an approach that contradicts the

theory of criminal law. This article is devoted to the analysis of the current legislative practice and the contradictions generated by it. Keywords: crime, public danger, corpus delicti, element of corpus delicti, criminal liability, legislative structure, intent, negligence, criminal law, legislator.

Keywords: crime, public danger, corpus delicti, element of corpus delicti, criminal liability, legislative structure, intent, negligence, criminal law, legislator.

Общественная опасность, как материальный признак преступления, в отечественной науке уголовного права с советских времен продолжает оставаться в поле зрения исследователей. Как известно, изначально общественная опасность определяла категорическое отличие понимания преступления в условиях идеологического противостояния СССР и капиталистического мира. Однако и после развала Советского Союза, когда стала формироваться правовая система новой России, уголовное законодательство Российской Федерации сохранило общественную опасность как неотъемлемый признак преступления. Таким образом, общественная опасность со времен выхода в свет работы Ю. И. Ляпунова [1] продолжает оставаться универсальной категорией уголовного права.

Представляется, что, несмотря на исследование в работе Ю. И. Ляпунова умышленных преступлений, универсальность общественной опасности определяется, в том числе и тем, что понятие преступления, данное в ч.1 ст. 14 УК РФ, в равной мере относится как к умышленным, так и неосторожным деяниям. Между тем внесенные за время действия нового уголовного законодательства России в него изменения свидетельствуют о том, что общественная опасность не такое уж универсальное мерило, позволяющее относить к числу преступлений определенное проявление вредоносности человеческого поведения. При этом общественная опасность для законодателя во многих случаях не является критерием установления и дифференциации ответственности не только за умышленные и неосторожные преступления, но и за различные неосторожные преступления, причиняющие равный вред.

Справедливости ради надо отметить, что современные исследователи общественной опасности преступлений по-прежнему рассматривают этот признак, анализируя умышленные преступления. И даже одна из последних обстоятельных работ [2], посвященных пониманию сущности общественной опасности, основана на их анализе.

Традиционно посвященные общественной опасности современные исследования базируются на позиции одного из теоретиков отечественного уголовного права А. Н. Трайнина, считавшего общественной опасностью свойством любого состава преступления, при этом она аккумулируется через все его элементы и определяет уголовно-правовую характеристику содеянного [3, с. 30-31].

Несмотря на то, что в отдельных работах исследуется связь общественной опасности с отдельными элементами состава преступления, в частности, с объектом [4, с. 50], или рассматривается соотношение общественной опасности и противоправности деяния [5, с. 334], общественная опасность не перестает оставаться в теоретическом смысле всеобъемлющим свойством преступления в целом.

Таким образом, в современной науке уголовного права интерес к общественной опасности, как признаку преступления, вряд ли можно назвать дискуссионным, поскольку законодатель прямо закрепляет ее в определении понятия преступления, а разработанная теория вопроса в достаточной степени поставила все точки над *i*.

Представляется, что возвращение к общественной опасности, как к объективному свойству преступления, порождено, прежде всего, тем, что существует проблема отражения общественной опасности в законодательной практике. И в этом смысле вопрос об общественной опасности, безусловно, требует не только ее изучения, но и критического осмысления, поскольку законодателем иногда игнорируются достижения уголовно-правовой науки, приводящие не только к нарушению системы

уголовного законодательства, но и противоречащие конституционным положениям о приоритетности охраны личности [6].

В рамках данной статьи остановимся на отдельных примерах законодательной практики, связанной с конструкциями неосторожных преступлений. Традиционно неосторожные преступления с точки зрения вклада личности в их совершение являются менее опасными по сравнению с умышленными преступлениями. В них никогда не проявляется стремление виновного к причинению вреда, а последствия этих преступлений в той или иной степени носят случайный характер.

Проблема установления ответственности за неосторожные преступления в последнее время вполне объективно характеризуется, прежде всего, отношением законодателя к нарушениям в сфере безопасности дорожного движения [7, 8]. Но целесообразность нельзя противопоставлять не только законности, но и научности.

Помня о том, что общественная опасность есть свойство состава преступления в целом, следует подчеркнуть, что в некоторых неосторожных преступлениях, представленных в УК РФ, она определяется не только количеством вреда, но даже пост криминальным поведением личности, что не обнаруживается в умышленных преступлениях. Так оставление места дорожно-транспортного преступления после его совершения влечет повышенную ответственность (п.п. б ч. 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ), в то время как в умышленных преступлениях это даже не рассматривается как отягчающее обстоятельство.

Таким образом, законодатель, рассматривая пост криминальное поведение виновного, оставившего место преступления, как проявление его общественной опасности, выходит за рамки теоретических положений о том, что общественная опасность есть объективное свойство уже совершенного преступления. При этом речь идет только об одном и, следует особо подчеркнуть, неосторожном преступлении. Это не только

лишено логики, но и противоречит принципу справедливости. О теории уголовного права в данном случае говорить не приходится.

Закономерно, что общественная опасность деяния повышается, если в нем участвовали два и более лица. Поэтому институт соучастия позволяет законодателю в определенных случаях дифференцировать ответственность за участие в преступлении двух и более лиц, учитывая при этом не только степень согласованности их действий, но и роль каждого. Современный уголовный закон положил конец спорам о возможности соучастия в неосторожных преступлениях, однако сам же законодатель возродил эту дискуссию, указав в ч. 3 ст. 263.1 УК РФ возможность соучастия в неосторожном преступлении. Так ч.1 и 2 указанной статьи устанавливает ответственность для общего или соответственно специального субъекта за неисполнение требований по соблюдению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах, если эти деяния повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека либо причинение крупного ущерба. А в ч.3 ст. 263.1 УК РФ говорится о деяниях, предусмотренных **частями первой** или **второй** настоящей статьи, совершенных группой лиц по предварительному сговору либо повлекших по неосторожности смерть человека. Несоблюдение требований транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры или транспортных объектах может быть проявлением, как умысла, так и неосторожности. Правила безопасности дорожного движения также могут нарушаться умышленно или по неосторожности, однако их умышленное нарушение не меняет сути самого преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ – оно остается неосторожным. Именно об этом сказано в ч.2 ст. 24 УК РФ – «деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса».

Не может быть оправдано использованное законодателем в ч.3 ст. 263.1 УК РФ группы лиц в качестве квалифицирующего обстоятельства и с позиции положений ст. 27 УК РФ, описывающей понятие двойной формы вины, когда в целом преступление признается совершенным умышленно. Дело в том, что о двойной форме вины речь идет тогда, когда «в результате совершения умышленного преступления причиняются тяжкие последствия, которые по закону влекут более строгое наказание и которые не охватывались умыслом лица, уголовная ответственность за такие последствия наступает только в случае, если лицо предвидело возможность их наступления, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, или в случае, если лицо не предвидело, но должно было и могло предвидеть возможность наступления этих последствий». В анализируемом составе преступления само нарушение, даже если оно совершено умышленно, без наступления по неосторожности указанных в ч. 1 последствий, не является преступлением.

Не вдаваясь в подробности, тем не менее, следует отметить, что умышленное нарушение транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры в большей степени соответствует представлениям об акте терроризма или диверсии, соучастие в которых закономерно. Из этого следует, что и допущенные в рамках состава преступления, предусмотренного ст.263.1 УК РФ нарушения безопасности должны носить только неосторожный характер, а поэтому соучастие в нем невозможно.

В современной теории уголовного права презюмируется, что защита личности, ее прав и свобод в соответствии с Конституцией РФ является приоритетной. Именно поэтому Особенная часть Уголовного кодекса РФ начинается с раздела о преступлениях против личности. Однако анализ УК

РФ показывает, что, к сожалению, законодатель либо не знает об этом, что вряд ли, а если знает, то не придерживается этих положений.

Значимость объекта уголовно-правовой охраны, а, следовательно, характер общественной опасности деяния, находит свое отражение как в криминализации деяний, причиняющих вред, так и в санкциях соответствующих уголовно-правовых норм. Напомним, что наше исследование посвящается отражению в уголовном законе общественной опасности именно неосторожных деяний. Поэтому мы не будем анализировать умышленные преступления, хотя и о них есть что сказать.

Итак, рассмотрим преступления, в которых причиняется вред здоровью личности, как непосредственному объекту уголовно-правовой охраны, по неосторожности и неосторожное причинение вреда здоровью личности в преступлениях, в которых личность является дополнительным объектом.

Современное уголовное законодательство и теория уголовного права свидетельствуют о том, что причинение легкого и средней тяжести вреда здоровью личности по неосторожности не являются уголовно-наказуемыми деяниями. Уточним, что речь идет о преступлениях против личности. С точки зрения приоритетности защиты личности всякое причинение вреда иным охраняемым уголовным законом общественным отношениям является менее значимым в уголовно-правовом смысле, ибо следует помнить и о социальной значимости общественных отношений. В современном мире обеспечение общественной безопасности является не менее ценным, чем обеспечение прав и свобод личности. Но об этом надо говорить отдельно. Тем не менее, не сопоставляя охрану личности и общественной безопасности, остановимся на сопоставимых ценностях – здоровье и собственность. Да, в современном мире, в том числе и в представлениях российского обывателя, материальное благополучие превалирует над иными ценностями. И это объективно подтверждается из

каждого телевизора и в рекламе Интернета. Но законодатель не должен опускаться до уровня обывателя, поэтому вполне естественно возникает вопрос – собственность как объект уголовно-правовой охраны выше личности? Если нет, то почему неосторожное уничтожение или повреждение чужого имущества является преступлением, а причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью по неосторожности, как посягательство на личность преступлением не является? Конечно, теперь можно возразить по поводу такой постановки вопроса. Обратимся к ст. 267 УК РФ. В ней не только устанавливается уголовная ответственность за создание угрозы жизни, здоровью и безопасности граждан либо угрозы уничтожения или повреждения имущества физических и (или) юридических лиц, но и за фактическое причинение по неосторожности легкого и средней тяжести вреда здоровью личности. Из этого следует, что теория уголовного права говорит о том, что неосторожное причинение легкого и средней тяжести вреда здоровью личности преступлением не является, а уголовный закон свидетельствует об обратном. В связи с этим возникает вопрос – что же должны брать за основу студенты, изучающие уголовное право?

В завершение рассмотрения поставленных в статье вопросов хотелось бы отметить следующее. К сожалению, позиции науки уголовного права и не только уголовного права в современной законодательной практике или не замечаются, или отрицаются. Это объясняется тем, что уровень образованности законодателя или его противопоставление научному сообществу достигло критической точки, позволяющей отрицать закономерности, или возобладала точка зрения, что целесообразность превышает законность.

С другой стороны, наука стала настолько зависимой и беспринципной, что не проявляет себя там и тогда, когда должна определять законодательную практику.

И в-третьих, состояние и науки, и законодательной практики отражает деградацию общества, как с точки зрения его образованности, так и с точки зрения отношения к тем ценностям, которые должны являться базовыми в обществе.

Список литературы:

1. Ляпунов Ю. И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права /Учеб. пособие для вузов МВД СССР, М-во внутр. дел СССР, Высш. юрид. заоч. шк. М. ВЮЗШ, 1989 (1990). 117 с.
2. Лопашенко Н. А., Голикова А. В., Кобзева Е. В., Ковлагина Д. А., Лапунин М. М., Хутов К. М.. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // Правоприменение. 2020. № 4. Т. 4 С. 124–140.
3. Трайнин А. Н. Избранные труды / А.Н. Трайнин; составление, вступительная статья Н.Ф. Кузнецовой. Санкт-Петербург: Юридический центр "Пресс", 2004. 898 с.
4. Мальцев В. В. Понятие объекта преступления // Уголовное право. 2011. N 2 С. 47 - 52.
5. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2009. 346 с.
6. Побегайло Э. Ф. О бессистемности и криминологической необоснованности современного правотворчества // Преступность, уголовная политика, закон: материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2016. С. 135 – 140.
7. Коробеев А. И, Чучаев А. И. Транспортные преступления: исправление ошибок или движение по кругу. - Уголовное право, - 2019, - № 5, С.48-58.
8. Ключев А. А. Об изменениях в Уголовный кодекс РФ, внесенных федеральным законом от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ. Ключев А. А. - Российский следователь, - 2021, № 5, С. 52-55.

References:

1. Yu. I. Lyapunov. Public danger of an act as a universal category of Soviet criminal law / Textbook for universities of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, Ministry of Internal Affairs of the USSR, Higher. jurid. correspondence school. M. VYUZSH, 1989 (1990). 117 p.
2. N.A. Lopashenko, A.V. Golikova, E.V. Kobzeva, D.A. Kovlagina, M.M. Lapunin, K.M. Khutov. Public danger of crime: the concept and criteria of verification // Law enforcement. 2020. No. 4. Vol. 4 pp. 124-140.
3. Trainin A.N. Selected works / A.N. Trainin; compilation, introductory article by N.F. Kuznetsova. St. Petersburg: Law Center "Press", 2004. 898 p.
4. Maltsev V.V. The concept of the object of crime // Criminal law. 2011. N 2 p. 47 - 52.
5. Zhalinsky A.E. Criminal law in anticipation of changes: theoretical and instrumental analysis. M., 2009. 346 p.
6. Pobegailo E.F. On the unsystematic and criminological groundlessness of modern law-making // Crime, criminal policy, law: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. M., 2016. pp. 135 - 140.

7. A.I.Korobeev, A.I. Chuchaev. Traffic crimes: correcting mistakes or driving in a circle. - Criminal Law, - 2019, - No. 5, pp.48-58.

8. Klyuev A.A. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation introduced by Federal Law No. 146-fz of June 17, 2019. Klyuev A.A. - Russian investigator, - 2021, No. 5, pp.52-55.